

На правах рукописи

ДЕМКИНА Юлия Александровна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
«DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ»
В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Кислякова Евгения Юрьевна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Бушуева Людмила Александровна*, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»), профессор кафедры зарубежной лингвистики;

Вайрах Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»), заведующий кафедрой рекламы и журналистики.

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Защита состоится 3 июля 2025 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.02 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: <https://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 25 апреля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Гулинов Дмитрий Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики и посвящено рассмотрению концепта «depravity / испорченность» как аксиологического концепта.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, значительным интересом лингвистов к изучению ценностных основ общества и происходящих в нем трансформаций, зафиксированных в языковой семантике и коммуникативной деятельности человека; во-вторых, влиянием сформировавшихся в обществе ценностных установок на социальное поведение индивида; в-третьих, социальной значимостью концепта «depravity / испорченность», вариативно представленного в англоязычной картине мира и малоисследованного в динамическом аспекте в когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии.

Степень разработанности научной проблемы. Проблема концептуализации сознания является одной из ключевых тем, изучаемых отечественными и зарубежными учеными социогуманитарного профиля.

В аспекте соотношения индивидуального, общественного и языкового сознания данная проблема освещалась в трудах Ю.Д. Апресяна, А.П. Бабушкина, В. фон Гумбольдта, Э. Дюркгейма, А.В. Кравченко, Э. Сепира, Б. Уорфа, Н.Ф. Уфимцевой, Н. Хомского, Р. Якобсона и др.

При исследовании концептов как элементов картины мира эта проблема изучалась в работах С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова и др.

Отдельную категорию составляют изыскания по структуре концептов в работах таких лингвистов, как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.

Проблема испорченности как аморальности или девиации разрабатывалась в ряде гуманитарных дисциплин, например, в философии, этике, богословии, психологии, в трудах таких ученых, как Аристотель, Ф. Аквинский, Г. Беккер, М. Вебер, И. Гофман, Ф. Зимбардо, Платон, И. Кант, Л. Колберг, Р. Мертон, С. Милгрэм, Ф. Ницше, Ж. Пиаже, Ж.Ж. Руссо, З. Фрейд, Т. Хирши. Следует отметить, что испорченность, согласно нашим данным, еще не была объектом лингвистического описания и как концепт рассматривается в нашем исследовании впервые.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: феномен «depravity / испорченность» выступает нравственным антиидеалом, отражающим совокупность человеческих качеств характера и поведения, осуждаемых в обществе. В силу своей социальной значимости концепт «depravity / испорченность» частотно репрезентирован посредством языковых единиц в англоязычной художественной литературе. Исследование данного концепта, занимающего центральное место в аксиологической си-

стеме социума на разных этапах его развития, позволит выявить в ней динамику изменений, характеризующих ценностные приоритеты общества.

Объектом работы является концепт «depravity / испорченность» в британской и американской языковой (художественной) картине мира.

Предмет исследования – смысловые признаки и конкретизаторы концепта «depravity / испорченность», объективированные в британской и американской художественной литературе второй половины XIX и второй половины XX века.

Цель работы – выявить и описать динамические изменения в содержании лингвокультурного концепта «depravity / испорченность», объективированного в британской и американской художественной литературе двух различных периодов – второй половины XIX и второй половины XX веков.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1) определить место концепта «depravity / испорченность» в системе других концептов;

2) выделить актуальное смысловое содержание концепта «depravity / испорченность» в британской и американской лингвокультурах исследуемых временных отрезков;

3) определить смысловые признаки и конкретизаторы концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе исследуемых исторических периодов;

4) описать динамику трансформаций понятийного содержания и ценностной составляющей концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XIX и второй половине XX веков.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых из области когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии (Ю.Д. Апресян, С.А. Аскольдов, Л.Г. Бабенко, А.П. Бабушкин, Э.Л. Богарт, Н.С. Болотнова, Б. Блох, Л.А. Бушуева, А. Вежицкая, Й.Л. Вайсбергер, В. фон Гумбольдт, И.В. Гюббенет, В.И. Карасик, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, В.В. Красных, Г.В. Колшанский, А.Н. Леонтьев, О.А. Леонтович, В.А. Маслова, З.Д. Попова, М.В. Пименова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, С.С. Тахтарова, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Н. Хомский).

Выполненная работа базируется на нижеследующих ключевых положениях:

1. Общественное сознание представляет собой систему, основанную на синтезе представлений, идей, сформированных у носителей данного общественного сознания. Индивидуальное сознание является совокупностью личного опыта индивида и идей общественного сознания, преломленных через этот опыт [Дюркгейм, 2013].

2. Концепт как квант знания является средством репрезентации сознания и может послужить средством его исследования [Карасик, 1996; Попова, 1999; Степанов, 2001].

3. Индивидуальное сознание включает в себя индивидуально-авторскую картину мира (следовательно, и часть национальной картины мира), находит свое выражение в языковом тезаурусе автора и вербальных выражениях состояния его сознания, т.е. в языковом сознании. Языковое сознание автора может быть обнаружено в продуцируемых им текстах, т.е. в идиолекте [Виноградов, 1959; Золян, 1989; Чернышева, 2007; Bloch, 1948; Chomsky, 2000].

Материал исследования составляют тексты классических произведений британской и американской художественной литературы второй половины XIX и XX веков (124 произведения, в которых единицей анализа послужили 1256 контекстов, репрезентирующих содержание концепта «depravity / испорченность»).

Источниками практического материала послужили произведения, тематика которых связана с представлениями о нравственности и морали, в том числе и детская литература, имеющая значение для процесса социализации индивида и усвоения им ценностных основ общества, а также драматические произведения, поскольку в этом жанре актуализирована в значительной степени оценка поведения человека.

В качестве основных **методов исследования** использовались:

- 1) гипотетико-дедуктивный метод;
- 2) метод концептуального анализа, включающий анализ словарных дефиниций, компонентно-семантический анализ, контекстуальный анализ, прием количественного подсчета, описание содержания и моделирование структуры концепта. С помощью данного метода было определено, описано и смоделировано национально-культурное содержание концепта «depravity / испорченность», а также выявлены и описаны его авторские смысловые приращения, репрезентируемые в британской и американской художественной литературе исследуемых временных срезов;
- 3) сравнительный метод для анализа динамики смысловых изменений концепта «depravity / испорченность» в исследуемом временном диапазоне.

Научная новизна работы обусловлена тем, что:

- 1) определены понятийные и ценностные признаки концепта «depravity / испорченность», актуализируемого в британской и американской художественной литературе во второй половине XIX и во второй половине XX веков;
- 2) выявлены особенности ценностной составляющей данного концепта в динамической плоскости его функционирования в британской и американской художественной литературе в указанные периоды.

Личный вклад автора заключается в следующем: 1) определено место концепта «depravity / испорченность» среди других концептов; 2) описано актуальное смысловое содержание концепта «depravity / испорченность» в британской и американской лингвокультурах второй половины XIX и XX веков; 3) определены смысловые признаки и конкретизаторы концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе исследуемых исторических периодов; 4) описана динамика трансформаций понятийного содержания и ценностной составляющей концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XIX и второй половины XX веков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что:

во-первых, ее результаты вносят определенный вклад в развитие лингвокультурологии и лингвоконцептологии посредством уточнения структуры и содержания концепта «depravity / испорченность» в англоязычной картине мира разных исторических периодов;

во-вторых, определены экстралингвистические факторы влияния на содержание концепта «depravity / испорченность», нашедшего речевое воплощение в британской и американской языковой (художественной) картине мира.

Практическая ценность исследования обуславливается возможностью использования его результатов для стилистического и литературоведческого анализа творчества отдельных англоязычных писателей, чьи произведения послужили материалом для выполненной работы. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах общего языкознания, лексикологии и стилистики английского языка, при чтении спецкурсов по лингвоконцептологии и лингвокультурологии. Результаты работы найдут применение при подготовке студентами филологического профиля выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Концепт «depravity / испорченность» – аксиологически ориентированный когнитивный конструкт, в содержании которого закреплены представления человека о нарушении нравственных норм.

2. Структуру концепта «depravity / испорченность» формируют ядерная, околоядерная и периферийная зоны, каждая из которых содержательно характеризуется определенным набором смысловых признаков и конкретизаторов, обусловленных лингвистическими и экстралингвистическими факторами рассматриваемых исторических периодов (вторая половина XIX и XX веков).

3. Во второй половине XIX века понятийное содержание концепта «depravity / испорченность» во многом определено фактором влияния религиозных законов, предписаний, выступающих регулятивом поведения

человека. Содержание этого концепта отражается, во-первых, в ядерных (*degeneracy, decline*), околядерных (*impurity, defilement, blemish* и др.) и периферийных (*lustfulness, sin, vice* и др.) смысловых признаках; во-вторых, в антиномичных признаках *virtue, chastity, morality, good deed*; в-третьих, в таких акциональных проявлениях концепта, как кража, прелюбодеяние, жестокость, стремление к обогащению, вульгарное поведение, убийство, самоубийство, клевета, представляющих собой нарушение религиозных заповедей.

4. Во второй половине XX века концепт «*depravity* / испорченность» отражает ориентацию британского и американского лингвокультурного сообщества на идею жизни как высшей ценности и равноправия людей независимо от расовой и гендерной принадлежности. Некоторые признаки, актуальные для второй половины XIX века и входящие в ядро этого концепта (*impurity, defilement, blemish* и др.), теряют свой прежний статус, уступая место смысловым ядерным (*criminality, scandal, felony* и др.) и периферийным признакам (*excessive consumption of food, alcohol, tobacco and video content, treating a woman as an object, cruelty towards children and animals* и др.). Во второй половине XX века в содержании концепта «*depravity* / испорченность» имеют место такие акциональные проявления, как взятничество, чрезмерное употребление алкоголя, табака и видеоконтента, измена, манипуляция, истерики, крик.

5. Концепт «*depravity* / испорченность» в диахронической плоскости функционирования обнаруживает заметную диверсификацию семантических конкретизаторов, что приводит к диффузности его содержания. Данный факт подтверждается набором сем в значении лексических единиц номинативного поля рассматриваемого концепта, а также смысловыми конкретизаторами, выраженными посредством метафорических образов и средств в художественных произведениях второй половины XIX и XX веков.

6. Ценностная трансформация концепта «*depravity* / испорченность», выявленная в период со второй половины XIX века по вторую половину XX века в англоязычной концептосфере на материале художественных произведений, сводится к повышению значимости культурного феномена толерантности по отношению к недостаткам поведения и мыслям человека и к расширению его оценочных критериев в современном социуме. Претерпевшие во второй половине прошлого столетия изменения в аксиологической системе, сформировавшиеся этические нормы и установки, менее жестко регламентирующие поведение человека, выражаются в терпимом отношении к таким ранее строго осуждаемым чертам характера и поступкам индивида, как эгоизм, избалованность, увлечение вредными привычками.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, полученные в ходе выполнения диссертационного исследования, излагались на следующих научных конференциях: «Актуальные проблемы современной науки» (Москва, 2019); XXVI Региональная конференция молодых ученых и исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2021); XXVII Региональная конференция молодых ученых и исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2022); III Всероссийская с международным участием научная конференция для молодых исследователей «Иноязычная коммуникация: полипарадигмальный аспект» (Волгоград, 2022); VI Международная научная конференция «Преподавание английского языка в профессиональном контексте: традиции, инновации, перспективы» (Тамбов, 2023); Международная научная конференция «Дискурс – Язык – Социум» (Волгоград, 2023); Международная научная конференция «Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы» (Тверь, 2023); II Международная научная конференция «Лингвистическая аргументология: проблемы и перспективы» (Калуга, 2024); Международная научно-теоретическая конференция «Человек в коммуникации» (Волгоград, 2024); IV Всероссийская с международным участием научная конференция для молодых исследователей «Иноязычная коммуникация: полипарадигмальный аспект» (Волгоград, 2024).

По теме исследования имеется 6 публикаций общим объемом 3,15 п.л., в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка (154 наименования) и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование темы диссертации, указаны гипотеза, объект, предмет, материал и методы исследования, определены его цель и задачи, раскрыты новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, сформулированы теоретические положения, выносимые на защиту, изложены степень достоверности и апробация результатов выполненного исследования.

В **первой главе** «Теоретико-методологические основы изучения концепта “depravity / испорченность”» дается обзор фундаментальных трудов по изучаемой теме, формулируется понятийный аппарат исследования, описываются особенности изучения концептов на материале художественной литературы.

Общественное сознание представляет собой форму отражения действительности, базирующуюся на совокупности представлений и идей носите-

лей данного общественного сознания. Индивидуальное сознание является результатом преломления общественного сознания через личный опыт индивида и соотносится с языковым сознанием, которое в свою очередь репрезентируется посредством языкового тезауруса и вербальных выражений состояния сознания.

Результатом функционирования индивидуального сознания является индивидуально-авторская картина мира, которая представляет собой модель реальности, отражающей и фиксирующей личностное восприятие мира индивидом в совокупности с элементами национальной картины мира. Индивидуально-авторская картина мира может быть выявлена путем анализа текстовых произведений данного индивида (идиолекта), которые содержат в себе специфическую совокупность языковых средств автора, называемую идиостилем.

Исследование национальной и индивидуально-авторской картины мира сопряжено с рядом сложностей, вызванных обширностью данных феноменов. В связи с этим в лингвистической науке принято деление картины мира на условно самостоятельные единицы – концепты. Под национальным концептом понимается дискретная, содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде (А.П. Бабушкин). Индивидуально-авторский концепт определяется как личностное преломление национального значения и понятия как содержательного минимума значения (В.И. Карасик).

Необходимым условием исследования концептов на материале литературных произведений является анализ горизонтального контекста как языковой составляющей сообщения, представленной в авторском тексте эксплицитно, так и вертикального контекста как совокупности фоновых знаний читателя, позволяющей декодировать имплицитно представленную в тексте часть авторского сообщения.

Во **второй главе** «Концепт “*depravity* / испорченность” в англоязычной картине мира второй половины XIX века» выявлены семантические признаки и конкретизаторы концепта «*depravity* / испорченность» во второй половине XIX века на основе анализа лексикографических источников и произведений британской и американской художественной литературы, а также построена модель исследуемого концепта в данный исторический период.

Согласно лексикографическим источникам второй половины XIX века, номинативное поле с доминантой *depravity* составляют 67 лексических единиц: *depravity*, *immorality*, *wickedness*, *vice*, *sin*, *indecenty*, *debauchery*, *corruption* и др. На основе обобщенных словарных дефиниций данных лексем методом семантического анализа нами были выявлены семанти-

ческие конкретизаторы концепта «*depravity* / испорченность». В качестве конкретизаторов с наивысшим индексом частотности были выявлены: *contamination* (порча, отрицательное влияние) (индекс частотности – 19), *immorality* (аморальность) (10), *illegality* (незаконность) (8), *harm* (вред) (7), *decay* (изменение к худшему, менее чистому состоянию) (7), *flaw* (бракованность) (7), *distortion* (искаженность) (7), *evil* (зло) (7), *dishonour* (бесчестие) (6), *contagiousness* (способность к заражению) (6), *deprivation of virtue* (лишение добродетели) (6). Общее количество частотных семных конкретизаторов составило 11 единиц. Ключевым номинантом концепта является *depravity* в силу того, что его семный состав содержит архисемы *contamination* (порча, отрицательное влияние) и *immorality* (аморальность). В качестве менее частотных семных конкретизаторов нами были выделены семы, являющиеся отличительными характеристиками для каждой словообразовательной парадигмы. Общее количество выявленных сем составило 70 единиц.

На основе представленных выше данных построена схема концепта «*depravity* / испорченность» во второй половине XIX века, в которой, согласно методологии И.А. Стернина, к ядерным признакам исследуемого концепта были отнесены признаки, содержащие обе архисемы *contamination* (порча, отрицательное влияние) и *immorality* (аморальность). К околядерной зоне относятся признаки, содержащие в себе только одну из архисем, а к ближней периферии – признаки, в составе которых выявляются семные конкретизаторы, дополнительные к названным выше архисемам.

Номинант *depravity* не имеет прямого и единственного оппозиита, в связи с чем концепт раскрывает свои антонимические потенции только через противопоставление его признаков и их антонимов. Отметим, что антонимичные признаки исследуемого концепта отражают ценности религиозного мировоззрения, что отражает влияние церковных норм на содержание концепта «*depravity* / испорченность» во второй половине XIX века и подтверждается анализом ассоциаций номинантов концепта. Нами были выделены следующие группы ассоциаций: религиозные (*heresy, blasphemy, power of faith, prayer for salvation* и др.), нравственные (*morality, innocence* и др.), санкционные (*punishment, torment, shame, dishonour* и др.), криминальные (*cruelty, theft, lust* и др.), образные (*sorcery, monster, snare* и др.).

Для более полного описания содержания «*depravity* / испорченность» во второй половине XIX века целесообразно обращение к англоязычной художественной литературе данного периода как к источнику авторских смысловых приращений, не обнаруженных в ходе анализа лексикографических источников и составляющих дальнюю периферию концепта.

Данная схема представлена ниже.

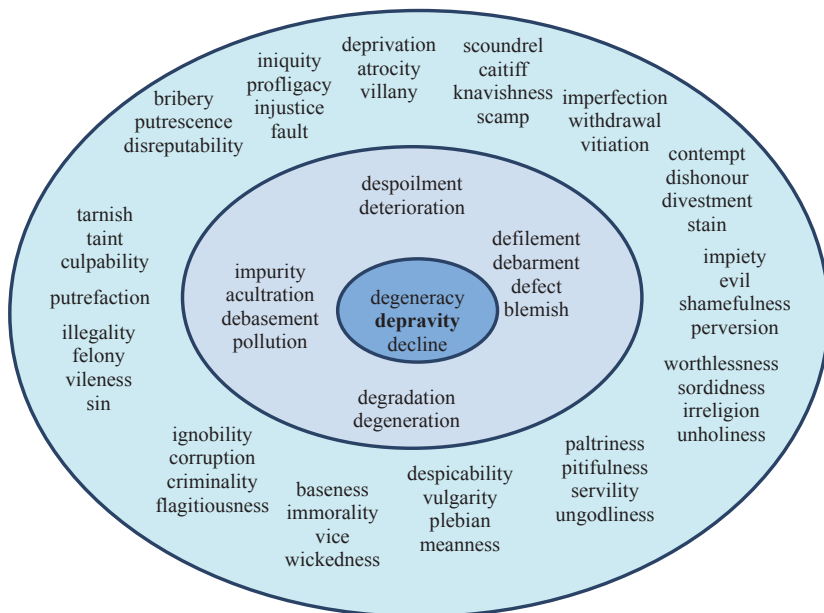

Рис. 1 Семантико-когнитивный анализ концепта «depravity / испорченность» в британском и американском обществе во второй половине XIX века на основе лексикографических данных

На содержание концепта «depravity / испорченность» в англоязычной художественной литературе второй половины XIX века значительное влияние оказал вертикальный контекст эпохи. Общественность Британской империи вследствие кризиса 1866 года обратилась к критике колониализма как фактора, увеличивающего разрыв между более социально благополучными и менее социально благополучными слоями населения. Данная критика отразилась в литературе эпохи, приводя к появлению социального романа, осуждавшего современное общество за несоответствие идеалам равенства, а также к пересмотру ценностей красоты и удовольствия в эстетической литературе конца XIX века. Причиной кризиса ценностей, запечатленного в литературе США данного периода, являлась Гражданская война и ее последствия, также необходимость пересмотра положения чернокожего населения.

Стремительное изменение социально-исторических условий существования англоязычной лингвокультуры привело к столкновению старых и новых ценностей, к неоднозначности оценки одних и тех же явлений, что

делает художественные произведения данного периода подходящим материалом для изучения концепта «depravity / испорченность». В данных произведениях находят отражение признаки исследуемого концепта, относящиеся к периферии и не отраженные в лексикографических источниках: *false religiousness* (показная религиозность), *dissoluteness* (распущенность), *hypocrisy* (лицемерие), *negative experience* (негативный опыт), *deceitfulness* (лживость), *arrogance* (высокомерие).

Религиозность в словарном значении антонимична концепту «depravity / испорченность», представляя собой воплощение ценностных основ общества исследуемого периода, но в случае притворной религиозности и пренебрежения религиозными законами является признаком анализируемого концепта. Конкретизаторами данного признака являются потакание порокам, лицемерие, грехопадение, отсутствие веры в бога при внешнем соблюдении норм церкви или осознанное нарушение этих норм. Приведем пример: *It is not the dissenters or the papists that we should fear, but the set of canting, low-bred hypocrites who are wriggling their way in among us; men who have no fixed principle, no standard ideas of religion or doctrine, but who take up some popular cry, as this fellow has done about 'Sabbath travelling* (A. Trollope).

В данном примере лицемерие выступает в качестве конкретизатора признака «показная религиозность» и в то же время в качестве противоположности религиозности как наличию четких принципов и идей, которым необходимо следовать. Испорченность понимается как бессистемность поведения человека, беспринципность, его негативная оценка передается глаголом *to wriggle* (юлить, изворачиваться), который создает отталкивающий образ испорченного человека как некоего пресмыкающегося.

Смысловой признак *dissoluteness* (распущенность) концепта «испорченность» второй половины XIX века в англоязычной литературе ассоциируется со взрослостью и старостью, которые оказывают негативное влияние на людей, а также связана с сексуальной распущенностью. Акционные и вербальные средства негативного влияния распущенности ранжируются от намеренного использования другого индивида в собственных целях до ненамеренного воздействия общества «испорченных» людей, ведущих «испорченные» разговоры (в виде сплетен, интриг, клеветы). Уместно привести в данном случае пример из романа Генри Джемса «The Awkward Age» («Неудобный возраст»), в котором используется метафора лестницы, показывающая путь девушки к моральной испорченности. Планировка дома главной героини предполагает наличие двух этажей, на нижнем из которых располагаются комнаты для приема гостей, а на верхнем – жилые комнаты, в том числе комната девушки. В начале романа героине запрещено спускаться вниз во время приема гостей, а ее нравственное падение начинается с момента ее появления в испорченном об-

ществе, т.е. с момента спуска по лестнице. Таким образом, лестница, соединяющая этажи дома, становится метафорическим путем от невинности к испорченности.

Развращенность, понимаемая как неумеренность, также находит отражение в произведениях других авторов (Р. Стивенсон, М. Баддон, Дж. Элиот, Г. Хаггард, Г. Уэллс и др.), в частности как неумеренность в употреблении алкоголя. Иными словами, речь идет о пьянстве. Приведем примеры: *I was hail-fellow-well-met with bad men; I was in the center of riot, drunkenness, and debauchery; but the purifying influence of my love kept me safe from all* (Braddon). *But he has sunk into a drunken debauched creature* (G. Eliot). В последнем примере распущенность представляется как нравственное падение человека. Глагол *to sink* (тонуть) передает представление об испорченном человеке как о погибающем, но погибающем не физически, а морально, потому как из человека он превращается в существо, животное, что передается именем существительным *creature*.

Признак «распущенность» концепта «*depravity* / испорченность» объективируется рядом конкретизаторов: «неумеренность», «развращенность», «преступление против личности». В анализируемых художественных произведениях осуждается (нередко в категоричной форме) распущенное поведение человека, в целом распущенность как черта его характера.

Лицемерие, в свою очередь, также выступает в англоязычной литературе признаком концепта «*depravity* / испорченность», однако имеет область, находящуюся за пределами данного концепта, когда речь идет о социально одобряемой разновидности лицемерия как части общественного договора или этикета. Например: *So, stammering a little and pale, I performed the required hypocrisy, after which my uncle read aloud for my benefit the line or two in which were recorded the event, and the latitude and longitude of the vessel at the time, of which Madame made a note in her memory, for the purpose of making her usual tracing in poor Milly's Atlas* (Sh. Le Fanu). *Mrs. Mountstuart admired herself as each one trotted forth in turn characteristically, with one exception unaware of the aid which was being rendered to a distressed damsel wretchedly incapable of decent hypocrisy. Her intrepid lead had shown her hand to the colonel and drawn the enemy at a blow* (G. Meredith).

Акциональные проявления, свойственные смысловому признаку «лицемерие», подразумевают преступления против закона (клевета, убийство), а также самоубийство, в то время как концепт «*depravity* / испорченность» в понимании, зафиксированном в лексикографических источниках, характеризуется действиями против моральных и религиозных законов: развратом, совращением, насилием, грубостью.

Негативный опыт человека как признак исследуемого концепта в художественных произведениях второй половины XIX века связан с переходом от детскости к взрослости. Данная связь обусловлена ассоциацией

неопытности с чистотой, невинностью и непорочностью, которые являются частными примерами лексем, антонимичных номинантам концепта «*depravity* / испорченность». Накопление опыта соотносится с потерей активной жизненной позиции, интереса к происходящему вокруг, что оценивается в негативном ключе, подтверждение чему мы находим в произведениях таких авторов, как Т. Пикок, М. Брэддон, Дж. Эллиот и др. Молодые, неопытные, неиспорченные жизнью герои произведений предпринимают активные попытки изменить мир к лучшему, в то время как умудренные опытом персонажи склонны к бездействию. Данное бездействие может являться следствием беспокойства и тревоги как результат наличия опыта: *In a true view, perhaps, there was more to be gathered and told of each anxious and experienced one, to whom the years were drawing nigh when she should say, "I have no pleasure in them," than of her juvenile comrades. But let the elder be passed over here for those under whose bodices the life throbbed quick and warm* (Th. Hardy).

Опыт является источником отрицательного влияния не только на окружающих, но и на самого его носителя в связи с тем, что способствует усвоению норм испорченного общества, например, меркантильности: *His experience had taught him that when money was exhausted women went away, and that when a man was knocked out of the race the others trampled on him* (J.R. Kipling).

Лживость, выступая в роли признака исследуемого концепта, связана с осуждаемыми разновидностями лжи. Однако англоязычная литература данного периода содержит также примеры общественно одобряемой лжи как части социального договора или искусства светского общения, что позволяет утверждать, что эти виды лжи не рассматриваются носителями британской и американской лингвокультур как испорченность.

Анализ художественной литературы исследуемого диахронического среза позволяет увидеть мотивы и последствия лживости как разновидности испорченности, а также путь заражения ею, например, через страх или стыд: *... I have often thought that few people know what secrecy there is in the young, under terror* (Ch. Dickens).

Ложь также выступает как средство достижения собственных целей: *"Hear him! hear him!" piped Gagool; "hear the liar who says that he will put out the moon like a lamp. Let him do it, and the girl shall be spared. Yes, let him do it, or die by the girl, he and those with him"* (H. Haggard).

Внешние проявления, такие как изменения цвета лица (покраснение или бледность), изменение голоса, часто выступают сопутствующими признаками лжи в произведениях таких авторов, как Л. Кэрролл, С. Батлер, Г. Хаггард, Э. Войнич, У. Моррис и др. Приведем несколько примеров: *The Lady's face changed as he spoke, and she turned red and then pale, and set her teeth; but she refrained her, and said: "Squire, I see of thee that thou art no liar,*

nor light of wit, therefore I suppose that thou hast verily seen some appearance of me; but never have I been in Langton, nor thought thereof, nor known that such a stead there was until thou namedst it e'en now. Wherefore, I deem that an enemy hath cast the shadow of me on the air of that land" (W. Morris). *"It's a lie!" he cried out. "It's a forgery! I can see it in your face, you cowardly – You've got some prisoner there you want to compromise, or a trap you want to drag me into. You are a forger, and a liar, and a scoundrel"* (E. Voynich).

В англоязычной литературе второй половины XIX века также встречается упоминание лжи, которая не может быть выявлена по внешним признакам. Так, например, в пьесе Бернарда Шоу «Caesar and Cleopatra» («Цезарь и Клеопатра») одному из персонажей приписывается способность выдавать ложь за искренность: *He therefore will not, in the ordinary Treasury bench fashion, tell a lie which everybody knows to be a lie (and consequently expects him as a matter of good taste to tell). His lies are not found out: they pass for candors* (B. Show).

Появление во второй половине XIX века такого признака концепта «depravity / испорченность», как высокомерие, обусловлено конфликтом между низшими и высшими слоями населения и восприятием последних как коллективного врага и носителя аксиологически отрицательных качеств. Такими качествами являются тщеславие и гордыня, базирующиеся на превосходстве в социальном статусе или финансовом положении. Следствием подобного превосходства становятся меркантильность, жестокость, высокомерие и невежество представителей высшего класса. Так, например, в дискуссии между двумя рабовладельцами в романе «Uncle Tom's Cabin» («Хижина дяди Тома») Гарриет Бичер-Стоу можно увидеть убежденность, что воспитание раба в строгости пойдет ему на пользу, в то время как более мягкое отношение портит его.

Одним из способов демонстрации высокомерия рабовладельческого класса в романе является принижение рабов, сравнение их с животными. Они не могут иметь привязанностей к семье, детям и должны легко утешиться, если потеряют их: *Why, yes, sir, I may say so. You see, when I any ways can, I takes a leetle care about the onpleasant parts, like selling young uns and that, – get the gals out of the way—out of sight, out of mind, you know, – and when it's clean done, and can't be helped, they naturally gets used to it. 'Tan't, you know, as if it was white folks, that's brought up in the way of 'spectin' to keep their children and wives, and all that. Niggers, you know, that's fetched up properly, ha'n't no kind of 'spectations of no kind; so all these things comes easier."* <...> *Your wife might get her some ear-rings, or a new gown, or some such truck, to make up with her* (H. Stowe).

В данном примере пренебрежение чувствами служанки выражается в первую очередь через литоту (*onpleasant parts*). Переживания по поводу разлуки с ребенком, которые для белой матери могли бы считаться се-

рзными, в случае с темнокожей служанкой описываются как «неприятные». Кроме того, лексемы *naturally* (естественно) и *brought up* (воспитаны) выражают отношение рабовладельцев к представителям негроидной расы как к неспособным к чувству привязанности по природе и по воспитанию. Однако подобное высокомерное отношение косвенно характеризует говорящего. Высокомерие реализуется через непризнание человеческих чувств и привязанностей в представителе более низкого класса, через расчеловечивание и приравнивание к животному.

В романе Элизабет Гаскелл «North and South» («Север и Юг») фабрикант Торнтон подменяет морально-нравственное превосходство понятиями финансового превосходства и превосходства власти, определяя бедных людей как порочных, слабых характером и достойных презрения лишь по причине того, что они не могли добиться того же состояния финансового благополучия, как сам Торнтон:

"How tainted?" asked her father.

"And the poor men around him – they were poor because they were vicious – out of the pale of his sympathies because they had not his iron nature, and the capabilities that it gives him for being rich."

"Not vicious; he never said that. Improvident and self-indulgent were his words" (E. Gaskell).

Случаи объективации признака *arrogance* (высокомерие) концепта «depravity / испорченность» можно обнаружить также в произведениях таких авторов, как Р. Стивенсон, У. Коллинс, Л. Кэрролла, А. Дойл и др. В качестве примера приведем сцену суда в произведении «Alice's Adventures in Wonderland» («Алиса в Стране Чудес»):

At this moment the King, who had been for some time busily writing in his note-book, cackled out "Silence!" and read out from his book, "Rule Forty-two. All persons more than a mile high to leave the court."

Everybody looked at Alice.

"I'm not a mile high," said Alice.

"You are," said the King.

"Nearly two miles high," added the Queen.

"Well, I shan't go, at any rate," said Alice: "besides, that's not a regular rule: you invented it just now."

"It's the oldest rule in the book," said the King.

"Then it ought to be Number One," said Alice (L. Carroll).

Данный отрывок демонстрирует, как король, осознавая своё превосходство как верховного правителя и главного судьи, пользуется им для того, чтобы повернуть ход судебного заседания в свою пользу и удалить Алису из зала суда. Кроме того, во время переписывания правил он не скрывает своих действий по причине своей уверенности в том, что никто ему противоречить не сможет и не захочет, в чем проявляется его высокоме-

рие. Когда же Алиса оспаривает новое правило, король прибегает к лжи с целью сохранить свою превосходящую позицию и добиться своей цели.

В англоязычной литературе второй половины XIX века концепт «*depravity* / испорченность» связан с выхолащиванием истинного содержания христианских добродетелей, с их заменой на внешнюю благопристойность поведения, неискренность. В качестве акциональных проявлений испорченности выступают как преступления против религиозных заповедей (например, кража, клевета, прелюбодеяние), так и преступления против человеколюбия в целом (например, грубость, принуждение). Кроме того, к проявлениям испорченности причисляются действия, способные негативно влиять на окружающих, в первую очередь, на детей как воплощения невинности (например, сплетни, интриги).

Взрослому приписываются опыт и необходимость брать на себя ответственность за собственные поступки, что выражается в более категоричной негативной оценке испорченного поведения взрослых. Испорченность детей, в свою очередь, рассматривается как следствие влияния взрослых и неизбежный результат взросления.

Неизбежность испорченности отражается в метафоре лестницы как пути сверху вниз, где наверху располагаются дети, ещё нетронутые испорченностью взрослого мира, а внизу – испорченные взрослые. При этом, спустившись по этой «лестнице», человек не имеет возможности вернуться назад, как не имеет возможности снова стать ребенком.

Другими метафорическими воплощениями испорченности в англоязычной литературе выступают метафора скорлупы в романе «*Great Expectations*» («Большие надежды») Ч. Диккенса, метафора призрака в повести «*The Turn of the Screw*» («Поворот винта») Г. Джеймса, метафора кораблекрушения в рассказе «*A Tragedy of Error*» («Трагедия ошибки») Г. Джеймса. Метафора пустой скорлупы воплощает идею выхолащивания ценностного содержания и подмены его внешними атрибутами добродетели. Метафора призрака передает восприятие испорченности как незримой, но ощущаемой сущности, обладающей способностью влиять на объективную реальность. Метафора кораблекрушения призвана демонстрировать конечность пути от неиспорченности к испорченности как к разрушению нравственных основ человека.

Концепт «*depravity* / испорченность» во второй половине XIX века фиксирует в своем смысловом содержании значительное влияние религиозного мировоззрения и отражает несоответствие ценностям основам общества данного периода, базирующиеся на христианском учении.

В **третьей главе** «Концепт “*depravity* / испорченность” в англоязычной картине мира второй половине XX века» выявлены смысловые признаки и конкретизаторы концепта «*depravity* / испорченность» во второй половине XX века, построена модель исследуемого концепта в данный

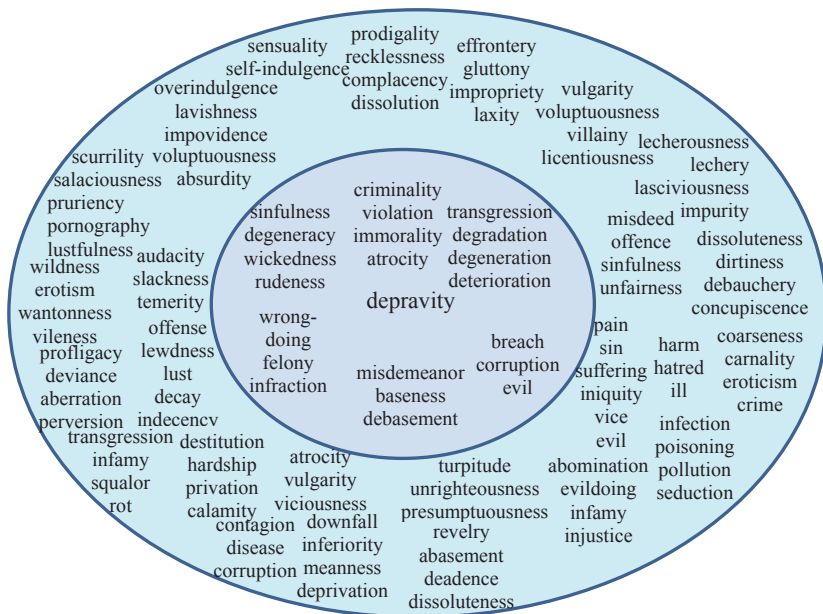
период, описана динамика ценностно-смысловых изменений концепта «*depravity* / испорченность» в период со второй половины XIX по вторую половину XX века.

Согласно лексикографическим источникам второй половины XX века, номинативное поле с доминантой *depravity* составляют 127 лексических единиц. В построенное номинативное поле вошли лексические единицы, также составляющие номинативное поле концепта в XIX веке: *corruption, vice, immorality, wickedness, sin, indecency, debauchery*. Кроме того, в номинативное поле вошли такие лексемы, как: *evil, criminality, degradation, contamination, debasement, degeneracy, deprivation, iniquity, lewdness, licentiousness, perversion* и др. В качестве частотных семных конкретизаторов были выявлены: *immorality* (аморальность) (индекс частотности – 24), *illegality* (незаконность) (13), *harm* (вред) (12). Общее количество частотных семных конкретизаторов составили 3 единицы. Стоит отметить, что их количество сократилось по сравнению со второй половиной XIX века почти в 4 раза (соотношение 11 к 3). Данное изменение может быть объяснено большей номинативной плотностью концепта в XX веке, т.е. наличием большего количества семных конкретизаторов в целом. Среди представленных единиц ключевым номинантом концепта «*depravity* / испорченность» является *depravity* в силу того, что семный состав данной лексемы содержит архисему *immorality* (аморальность). Общее количество семных конкретизаторов составило 153 единицы, что почти в 2 раза больше количества семных конкретизаторов, выявленных при аналогичном анализе номинативного поля концепта «*depravity* / испорченность» во второй половине XIX века (70 единиц).

На основе компонентного анализа выявленных лексем была построена модель концепта, показывающая понимание феномена испорченности во второй половине XX века (см. рис.2). Отметим, что к ядерным признакам концепта «*depravity* / испорченность» мы, вслед за И.А. Стерниным, относим признаки, которые выполняют функцию поля наиболее однозначно, т.е. в состав семных конкретизаторов которых входит архисема *immorality* (аморальность). К периферийным относятся такие признаки исследуемого концепта, в содержании которых обнаруживаются другие семные конкретизаторы (например, *inappropriate sexual behaviour* (неподобающее сексуальное поведение), *illegality* (нелегальность), дополняющие архисему *immorality* во всех выявленных ядерных признаках.

В отличие от второй половины XIX века концепт «*depravity* / испорченность» во второй половине XX века имеет большое количество признаков, объективированных следующими лексемами и их синонимами: *depravity, immorality, wickedness, vice, sin, indecency, debauchery, corruption, evil, criminality, degradation, contamination, debasement, degeneracy, deprivation, iniquity, lewdness, licentiousness, perversion* и др. (127 лексем).

Установленный факт свидетельствует об усилении диффузности концепта «depravity / испорченность», что, по нашему мнению, связано с изменением аксиологических основ общества и повышением уровня его толерантности и связанной с этим необходимостью более детального обозначения неприемлемого поведения человека.

При сопоставлении семного состава лексем, входящих в номинативное поле исследуемого концепта, были также обнаружены некоторые различия. Так, смысловой признак *vice* приобрел дополнительный семантический конкретизатор *crime* (преступление) в дополнение к конкретизатору *inappropriate sexual behaviour* (неподобающее сексуальное поведение), выявленному для данного признака во второй половине XIX века. Объяснением для подобной динамики может служить постепенно повышающийся уровень секуляризации общества, потеря религией главенствующей роли в определении границ нормативного поведения, усиление тенденции человека к активной жизненной позиции.

Во второй половине XX века наблюдается диверсификация проявлений испорченности, что отражается в асимметрии некоторых пар «признак – антонимичный признак». Так, например, признак *goodness* может служить антонимом для ряда таких признаков исследуемого концепта, как *corruption, immorality, evil*. Кроме того, ряд антонимичных признаков расширяется по сравнению со второй половиной XIX века за счет появления антонимичных признаков, не связанных с религиозным мировоззрением (например, *advantage*).

Ассоциации номинантов концепта «*depravity* / испорченность» включают шесть основных групп ассоциаций: религиозные, нравственные, санкционные, криминальные, образные и ассоциации, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной (*lust, adultery, eros*). Последняя группа не была выявлена для ассоциаций второй половины XIX века. Этот факт, по нашему мнению, объясняется необходимостью социальной регуляции этого вида отношений, которая ранее осуществлялась религиозными предписаниями. Кроме того, ассоциации, связанные с религией, составляют одну десятую часть всех ассоциаций, связанных с концептом «*depravity* / испорченность» в исследуемый период (соотношение 3 к 30). В остальных группах отсутствуют ассоциации, отражающие религиозное мировоззрение, что связано с повышением уровня секуляризации общества и усиливающейся ролью светского законодательства и общественно-го мнения как регуляторов нормированного поведения человека.

Таким образом, признаки концепта «*depravity* / испорченность» во второй половине XX века становятся более разнообразными с точки зрения градации оценки поведения личности. Если в XIX веке главным основанием нормированности служил религиозный закон, разделяющий лишь «подобное» и «неподобное» поведение, то в XX веке поведение может быть оценено с точки зрения светского закона, общих норм морали, общественного мнения и иметь некоторые оттенки допустимости.

На объективацию концепта «*depravity* / испорченность» в художественной литературе второй половины XX века оказал влияние вертикальный контекст. После двух мировых войн Великобритания признает возможность укрепления национального самосознания в своих колониях, что отражается в появлении течения антиколониалистской литературы, критикующей общественные устои и предпринимающей попытки сформировать новую систему ценностей. США во второй половине XX века добровольно отходят от политики изоляционизма. Литература Соединенных Штатов данного периода представляет собой попытку осмыслить место человека в мире и последствия технологического прогресса, который привел к отчуждению человека от природы. В то же время секуляризация общества заставляет его искать иные, отличные от религиозных, ориентиры для ценностной системы, что приводит к появлению в составе концепта

«depravity / испорченность» новых признаков, например, таких, как объективация женщины, т.е. лишение ее субъектности в отношениях.

Избалованность является признаком концепта «depravity / испорченность», но обособляется от остального его содержания сопряженностью с детьми как специфической группы носителей данной разновидности испорченности. Эта разновидность испорченности поддается корректировке посредством наказания со стороны взрослых, но также является продуктом чрезмерного потакания детским прихотям.

Подобные проявления детской испорченности мы можем наблюдать в произведениях ряда авторов данного временного периода (Э. Хогарт, Д. Биссет и др.). Например, в романе «A Woman of Style» («Стильная женщина») Колина МакДауэлла испорченному ребенку приписываются такие черты, как эгоизм, бездумное потакание своим желаниям и требование такой же услужливости от окружающих: *That dignified woman would never have acted as she had: so selfishly and unthinkingly. I have behaved like a spoilt child wanting its own way, she said to herself* (C. McDowel).

Однако частотны примеры, утверждающие, что таким испорченным детям прощается все. Так, в романе М. Гервейз «The Distance Enchanted» («Зачарованная даль») любой намек на избалованность героини побеждается ее очарованием, что приводит к полному отсутствию наказания. Приведем пример: *Despite her eighteen years, there was something about the petulant drop of her mouth that reminded one of a spoilt child; but even so she was strikingly lovely, with her big dark eyes and mass of golden hair, which she wore in a coil at the nape of her neck* (M. Gervaise).

Через отрицательно окрашенные эпитеты и сравнения авторы часто дают характеристику поведению других испорченных детей. Например: *"You didn't have to get my pudding," she said, hearing how silly she sounded, like a spoilt child* (M. Geras). *And you hounded him at work, wanting his attention all the time like a spoilt child* (J. Mansell). В данном случае поведение испорченного ребенка, который постоянно требует внимания к себе, представляется благодаря глаголу *to hound* (преследовать, загонять, травить) как нечто удушающее, не дающее спокойно жить.

Таким образом, можно сказать, что испорченность как избалованность в литературе второй половины XX века часто присуща детям, хотя в лексикографических источниках подобного ограничения не наблюдается. Кроме того, избалованность в данном случае связана с рядом других отрицательных черт характера человека: глупостью, назойливостью, капризностью, праздностью, тщеславием, гордыней, эгоизмом, склонностью к истерикам и манипуляциям.

Чрезмерное потребление может выступать в качестве признака исследуемого концепта в части, включающей чрезмерное потребление пищи, алкоголя, табака и видеоконтента. Однако в исследуемой литературе от-

сутствуют упоминания о наркотической зависимости как разновидности чрезмерного потребления, что может быть связано с табуированностью данной темы в обществе рассматриваемого периода.

В повести «The Magician's Nephew» («Племянник чародея») одному из злодеев, дядюшке Эндрю, который является носителем испорченности в произведении, приписывается трата огромного количества денег своей жены на бренди и сигареты, которые тот употреблял в большом количестве: *All you need to know about it is that Uncle Andrew, what with "managing dear Letty's business matters for her", and never doing any work, and **running up large bills for brandy and cigars** (which Aunt Letty had paid again and again) had made her a good deal poorer than she had been thirty years ago* (C.S. Lewis). В данном примере напрямую не осуждается чрезмерное употребление табака и алкоголя, однако, являясь атрибутом исключительно испорченного героя, данные факты могут считаться конкретизатором признака «чрезмерное потребление», присущего концепту «depravity / испорченность».

Безразличие как признак концепта «depravity / испорченность» имеет особенность, заключающуюся в отсутствии чувств и эмоций как следствия получения чрезмерного удовольствия. Безразличие противопоставляется интересу и смеху, а также связано с болезненными ощущениями и чувством невыносимости подобного состояния. В художественной литературе второй половины XX века оно рассматривается как некое подобие смерти, т.е. превращения в ничто. Человек не может жить в таком состоянии, но и умереть не может.

В примере ниже, кроме эксплицитного выражения невозможности, присутствует и имплицитное, выражающееся в выборе автором грамматической формы в условном предложении: *If he had enough interest*. Форма глагола, передающая нереальное, т.е. невыполнимое условие, позволяет автору передать бедственность положения безразличного человека, у которого недостаточно интереса даже для того, чтобы расстаться с жизнью: *"A man can't live with nothing but himself". "Oh yes, he can." "Sooner or later he would kill himself". "If he had enough interest"* (G. Greene).

Проявление интереса, в свою очередь, ощущается как боль: *Interest began to move painfully in him like a nerve that has been frozen* (G. Greene). Сравнение с замороженным нервом создает образ пустоты, пространства отсутствия чего-то важного, что соотносится с описанной нами ранее метафорой скорлупы.

Отрицание может носить более конкретизирующий характер. Оно значит, что отсутствие чувства грусти, гнева и иных эмоций в человеке может характеризоваться как безразличие в ряде произведений таких авторов, как Н. Гейман, Дж. Роулинг, Т. Моррисон, Т. Пинчон, например:

... but indifference lodged where sadness should have been (T. Morrison). <...> *Her appeals to a day not of wrath but of final indifference...* (Th. Pynchon).

Подводя итоги, отметим, что признак *indifference* (безразличие) как признак концепта «depravity / испорченность» связан с образами пустоты или «душевной анестезии», т.е. с отсутствием других чувств, кроме скуки. Безразличие также противопоставляется интересу и смеху. При этом и то, и другое сопряжено с болезненными ощущениями. Кроме того, безразличие характеризуется невыносимостью и порочностью и требует наказания как некоего способа излечиться от отсутствия интереса.

Эгоистичность выступает в роли признака концепта «depravity / испорченность» в тех случаях, когда подразумевает самовыражение, способное иметь разрушающую силу, и эгоистичность, представляющую опасность для окружающих. Наиболее часто данный признак реализуется в литературе как объективация или инструментализация по отношению к представителям женского пола, детям и животным: *"I knew," he went on, "that if only you could get it into the right form, that dust would draw you back to the place it had come from. But the difficulty was to get it into the right form. My earlier experiments were all failures. I tried them on guinea-pigs. Some of them only died. Some exploded like little bombs" "It was a jolly cruel thing to do," said Digory who had once had a guinea-pig of his own. "How you do keep getting off the point!" said Uncle Andrew. "That's what the creatures were for. I'd bought them myself. Let me see - where was I? Ah yes"* (C.S. Lewis). Эгоистичность в сочетании с трусостью заставляют героя искать иные способы удовлетворения своих потребностей за счет других (людей или животных). В своем стремлении он не считается с общественными нормами, которые предполагают, что при необходимости опасного путешествия отправлять в него детей без сопровождения знающего взрослого безответственно. Таким образом, в художественной литературе проявляется мотив прав и свобод человека, единственным ограничением которых являются права и свободы другого человека.

Гордыня как признак анализируемого концепта касается чрезмерной актуализации собственного превосходства над другими и желания самоутвердиться за их счет. Для гордыни характерны некая чрезмерность и частотность без видимых даже для ее носителя пределов. Приведем пример: *She often went on about how she hated class distinction, but she never took me in. It's the way people speak that gives them away, not what they say. You only had to see her dainty ways to see how she was brought up. She wasn't la-di-da, like many, but it was there all the same. You could see it when she got sarcastic and impatient with me because I couldn't explain myself or I did things wrong. Stop thinking about class, she'd say. Like a rich man telling a poor man to stop thinking about money* (J. Fowles).

Гордыня в художественной литературе второй половины XX века (например, в произведениях Ч. Сноу, А. Кларка, Г. Грина Дж. Толкиена) представляется чем-то чрезмерным, выведенным из пропорции, порой необъяснимым. В следующем примере можно видеть, что гордыня также обладает характеристикой частотности, т.к. ее следствием является некоторая «омозолелость сердца»: ... (*his heart*) *was calloused with pride and success, and learnt to beat only with pride...* (G. Greene). Эта «омозолелость сердца» является, по сути, метафорой для выражения черствости и бессердечия, причиной которых служит гордыня. Ставя себя выше других, горделивый человек становится жестоким, теряет возможность сопереживать другим и чувствовать их боль. Гордыня подчеркивает значимость человека, ее носителя, принижая при этом окружающих, которые воспринимаются как объекты.

Греховность как признак концепта «испорченность», в отличие от второй половины XIX века, включает в себя исключительно пороки, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной. При этом наблюдается повышение толерантности к некоторым аспектам таких отношений (например, частой смене партнеров) и ее снижение по отношению к объективизации женщины. Данный мотив присутствует в произведениях прежде всего таких авторов, как Н. Гейман, Я. Флеминг, Дж. Олдридж. Приведем пример: *I'm an entomologist. I collect butterflies. "Of course," she said. "I remember they said so in the paper. Now you've collected me." She seemed to think it was funny, so I said, in a manner of speaking. "No, not in a manner of speaking. Literally. You've pinned me in this little room and you can come and gloat over me"* (J. Fowles). Нестандартное сочетание глагола *to collect* (коллекционировать), как правило, имеющего в качестве объекта неодушевленное существительное, и местоимения *me* (меня), которое обычно обозначает одушевленное существо, также является примером объективизации девушки, приравнивания её к неодушевленному объекту. Усиливает сравнение употребление глагола *to pin* (приколоть) по отношению к девушке. Если учесть тот факт, что главный герой, коллекционер бабочек, использует именно этот способ для фиксирования экспонатов своей коллекции, то становится понятно, что именно таким экспонатом и ощущает себя девушка. Таким образом, концепт «*depravity* / испорченность» отражает изменение ценностных основ общества, связанное с течениями гуманизма и феминизма.

Подводя итоги, заключим, что концепт «*depravity* / испорченность» во второй половине XX века отражает ценностную составляющую британского и американского лингвокультурных сообществ, выражающуюся в высоком уровне толерантности к несовершенной человеческой природе и борьбе за права как различных социальных групп, так и живых существ в целом.

В **заключении** подводятся итоги выполненного исследования, излагаются его результаты и намечаются возможные перспективы – анализ трансформации ценностных основ британской и американской лингвокультур, а также исследование других периодов социально-исторического развития данных лингвокультур и сопоставительный анализ нравственных ориентиров носителей английского языка с представителями других лингвокультур.

Основные положения диссертации отражены в шести публикациях автора общим объемом 3,15 п.л.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Демкина Ю.А. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира в творчестве Генри Джеймса (на примере ключевых авторских концептов) / Ю.А. Демкина, Е.Ю. Кислякова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 4. – С. 197–217 (1,03 п.л., доля авторского участия 1,0 п.л.).

2. Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в творчестве англоязычных писателей-эстетов второй половины 19 века // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 7(133) (0,52 п.л.).

3. Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в романе Ч. Диккенса «Большие надежды» // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. – 2024. – № 1(53). – С. 65–74 (0,62 п.л.).

Статьи в изданиях базы РИНЦ:

1. Демкина, Ю. А. Концепт «испорченность» в повести Генри Джеймса «Поворот винта» // Студенческий электронный журнал СтРИЖ: <http://strizh-vsru.ru> [Электронный ресурс]. – 2018. – № 6(23). – С. 23–26 (0,36 п.л.).

2. Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в романе Ф.Э. Бёрентт «Маленький лорд» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2023. – № 4. – С. 30–35 (0,39 п.л.).

3. Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в детской англоязычной литературе: на материале повести «Чарли и шоколадная фабрика» // Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы: Сборник научных трудов международной междисциплинарной научной конференции, Тверь, 12–13 октября 2023 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 138–142 (0,26 п.л.).

ДЕМКИНА Юлия Александровна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ»
В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 18.04.25. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27